

Письма читателей в русских сатирических журналах XVIII в.*

Сатирический журнал — особый тип периодического издания, характерный для эпохи Просвещения. Он зарождается в Англии в начале XVIII в. и вскоре распространяется по всей Европе. В России о зарубежных сатирических журналах узнают уже в 1720-х гг., отдельные статьи из них переводят [Левин 1967], однако оригинальные русские издания такого типа появляются лишь в 1769 г. Первым сатирическим журналом в России становится «Всякая всячина». Замысел этого журнала принадлежит Екатерине II; впрочем, современники об этом не упоминают (даже если знают или догадываются), и факт ее участия установлен историками литературы лишь в XIX в. [Пекарский 1863; Шумигорский 1887]. Журнал выходит анонимно, и говорят, что его издает Г. В. Козицкий, статс-секретарь при императрице [Новиков 1772: 102] (см. также [Степанов 1999: 96]). Вслед за «Всякой всячиной» в том же году появляются и другие журналы. Они также анонимны, но имена их авторов за одним исключением, установлены историками литературы (нередко сатирический журнал — произведение одного автора, хотя над ним может работать и устойчивый авторский коллектив. Об атрибуции см.: [Булич 1854; Афанасьев 1859; Неустроев 1874; Семенников 1914; Бер-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-04-50083 «Эстетика русской малой прозы XVIII века: юмор, сатира, пародия».

ков 1952]). В январе 1769 г. начинает выходить журнал «И то и сё», который издает М. Д. Чулков, в феврале — «Ни то ни сё» В. Г. Рубана и «Полезное с приятным» И. Ф. Румянцева и И. А. де Тейльса, в марте — «Поденьшина» В. В. Тузова, в апреле — «Смесь» (единственный из журналов этого года, автор которого до сих пор не установлен [Рак 1989]), в мае — «Трутень» Н. И. Новикова, наконец, в июле — «Адская почта» Ф. А. Эмина. Таким образом, в течение одного года издаются восемь сатирических журналов, однако все — недолго: лишь два из них — «Всякая всячина» и «Трутень» — переходят на следующий год, но вскоре прекращаются и они. Впрочем, этот тип издания и не предполагает длительного существования: даже пользующиеся большим успехом зарубежные журналы выходят не более нескольких лет, а потом закрываются, и часто те же авторы принимаются за новый журнал. В России в 1770-х — 1790-х гг. традицию продолжают, например, три журнала Н. И. Новикова: «Пустомеля» (1770), «Живописец» (1772–1773) и «Кошелек» (1774), «Рассказчик забавных басен» А. О. Аблесимова (1781), «Почта духов» И. А. Крылова (1789), «Сатирический вестник» Н. И. Стрехова (1790–1792) и др.

Сатирические журналы, как правило, имеют небольшой объем и выходят часто, в большинстве случаев еженедельно; по этим признакам они напоминают газеты. Но по содержанию они на газеты не похожи: информационных задач они перед собой, как правило, не ставят. Их цель другая — дидактическая. Они стремятся воспитать читателя, привить ему правила нравственности, а также эстетический вкус и хорошие манеры.

Помимо целей, сатирические журналы отличаются от других типов изданий своим жанровым составом. Основной жанр в них — эссе, способное соединять рассуждение с повествованием и описанием. Субъект речи в эссе — издатель: это образ, в художественном пространстве журнала представляющий его автора. В сатирических

журналах много пародий, часто пародируются жанры нелитературные, такие как рецепт или словарь.

Среди типичных для сатирической журналистики жанров и письмо читателя. В журналах «Всякая всячина», «Трутень», «Смесь» этот жанр — один из центральных. Много писем и в «Живописце». Немало их в «Рассказчике забавных басен», однако там письма в основном служат рамкой для текстов других форм, в то время как во «Всякой всячине», «Трутне», «Смеси», «Живописце» письмо является прежде всего самостоятельной формой, и спектр его функций намного шире. В других изданиях письма читателей встречаются лишь изредка. Таковы, например, журналы «И то и сё», «Ни то и сё», «Кошелек». В журнале «Полезное с приятным» всего два письма, зато важных: одно, за подписью *Фома Стародуров*, направлено против невежества [Полезное с приятным 1769-2: 23–28], а другое, от имени *В. Развратова*, — против недостойного образа жизни [Полезное с приятным 1769-5: 29–33]. В некоторых изданиях, например, в «Пустомеле», читательских писем нет. Особое место среди сатирических журналов занимают те, которые на всем протяжении своего существования подчинены единому жанрово-композиционному принципу: «Поденьщина», построенная как дневник художника, приехавшего из Алатора на заработки в Петербург; «Адская почта», где большая часть текста принимает форму переписки двух бесов (там есть и одно письмо от лица читателя [Эмин 2013: 334–335]); «Почта духов», где текст также состоит из писем разнообразных фантастических персонажей; «Сатирический вестник», структура которого пародирует газеты XVIII в. с их разделами новостей и объявлений. Для этих журналов письма читателей не характерны.

Письмо читателя подается именно как документ, претендующий на истинность: для поэтики журнала принципиально, что его автором считается не издатель, а читатель, посторонний по отношению к журналу. Часто читатель ожидает от издателя реакции на письмо, и из-

датель отвечает: письма публикуются в сопровождении комментариев от лица издателя. Получается своего рода диалог. Однако реальны или фиктивны субъекты этого диалога — мы, как правило, не знаем.

Условная коммуникативная ситуация журнала предполагает, что читатели — реально существующие посторонние издателю люди; они присылают письма издателю, и он помещает или не помещает их в журнале. В составе читательских писем могут находиться литературные произведения, например, стихотворные сказки и басни, действующие лица которых даже внутри этого мира понимаются как вымышленные; это следующий уровень литературной условности.

Фактически же неизвестно, существуют ли в действительности читатели, с которыми издатель ведет переписку, или нет. Во многих исследованиях принимается гипотеза о том, что под разными криптонимами, которыми подписаны читательские письма, скрываются действительно разные люди; иногда предпринимаются попытки атрибуции. В таком случае журнал предстает как диалог подлинный, а не мнимый, в котором принимают участие несколько субъектов. При этом, как предполагается, чем более важная роль отводится реально существующим корреспондентам журнала, тем меньше оснований постулировать единство авторской позиции.

Другую крайность представляет противоположная рабочая гипотеза, согласно которой читательские письма — литературная фикция, их создают те же авторы, что и тексты от лица издателя. При этом авторская позиция остается единой, а ее распределение между несколькими фиктивными субъектами интерпретируется как художественный прием. Такая интерпретация возможна и в том случае, если автор у журнала один, и в том, если предполагается существование авторского коллектива.

В пользу обеих крайних гипотез можно привести трудно опровержимые аргументы. С одной стороны, ус-

ловный характер писем в ряде случаев очевиден. О том, что письмо в журнале — литературная фикция, может быть сказано в тексте, хотя это случай исключительный. Такой пример есть в журнале «Ни то ни сё». В № 11 этого издания помещено письмо за подписью *Бедняшкиной* [Ни то ни сё 1769-11: 85–88]; в следующем номере на него дается ответ [Ни то ни сё 1769-12: 89–95]. Письмо предваряется следующим указанием: «На сих днях получили мы от одного корреспондента перевод с письма, который по его желанию здесь и сообщаем» [Ни то ни сё 1769-11: 84]. Вслед за ответом указано имя переводчика: «Письмо и на оное сей ответ с немецкого перевел студент Яков Хорошкевич» [Ни то ни сё 1769-12: 95]. Здесь разграничены корреспондент подлинный — переводчик, чье имя названо в рамочном тексте, и корреспондент мнимый — фиктивный автор текста, которому в переводе дана русская значимая фамилия; письмо при этом переадресуется в русский журнал: «Почтенные господа издатели ни Того ни Сего!» [Ни то ни сё 1769-11: 85].

Более распространен другой случай: фиктивный характер письма не декларируется, однако становится очевидным постольку, поскольку оно представляет своего предполагаемого автора в комическом свете, избличая его недостойное поведение, причем сам читатель, как следует из текста, не сознает себя неправым (примеры будут приведены ниже). Трудно поверить, чтобы кто-либо стал таким образом печатно высмеивать сам себя, но более чем легко представить, что подобные письма — это сатирические очерки, фиктивный автор которых на самом деле не автор, а персонаж, вымышленный рассказчик.

С другой стороны, известен ряд случаев, когда произведения, присланные читателями в журнал, впоследствии публикуются в собраниях сочинений известных авторов, а значит, очевидно, этим авторам и принадлежат. Например, весь № 6 журнала «И то и сё» занят произведениями А. П. Сумарокова (см. [Семенников 1914: 19]);

впоследствии все они перепечатаны в составе «Полного собрания всех сочинений» Сумарокова, подготовленного Н.И. Новиковым [Сумароков 1787, ч. 7: 344–345; ч. 9: 148–149, 314–318].

Гипотезы реального и фиктивного авторства читательских писем можно совместить, допуская, что одни тексты действительно принадлежат реально существующим корреспондентам, в то время как другие созданы теми же авторами, что и эссе издателя. Можно думать, что такой средний путь означает наиболее взвешенную позицию. Эта гипотеза предполагает, что и подлинный, и мнимый диалог одновременно разворачиваются на страницах журнала. Подлинный автор выступает под несколькими масками: постоянной — издателя и временными — читателей. В восприятии аудитории образ издателя замещает личность автора, тогда как образы читателей с автором не связываются. В облике издателя автор ведет беседу с действительно существующими читателями, которые скрывают под криптонимами свои имена, и одновременно сам с собой, разделяя свою речь между несколькими литературными масками. При этом все сделано для того, чтобы дистанция между разными авторскими голосами была подчеркнута, а между читателями подлинными и мнимыми — скрыта. Тождество выдается за различие, а различие — за тождество; таково правила литературной игры.

Атрибуция читательских писем возможна не всегда: слишком мало для этого данных. Но, во всяком случае, кому бы ни принадлежали письма во внелитературной действительности, диалог между их условными авторами, какими они предстают в журнале, и издателем, тоже как условным образом, происходит в вымышленном литературном пространстве. Внутри этого пространства он наделяется смыслом. Это тот смысл, который открыт аудитории, даже если подлинные авторы статей ей неизвестны и биографические намеки непонятны. Это смысл,

который возникает из условного отношения текста к внехудожественной действительности, где мир текста понимается не как входящая в нее часть, а как стоящий рядом с ней и отражающий ее образ.

При этом авторскую позицию выражает помещение в журнале не только писем, принадлежащих автору, но и писем, действительно присланных корреспондентами, поскольку сам факт их публикации — проявление авторской воли. Более того, авторскую волю реализует и отказ от разграничения писем подлинных корреспондентов, пусть под криптонимами, и корреспондентов фиктивных, если принять (а для этого имеются веские основания), что в одном журнале есть и те, и другие. Мистификация становится частью художественного замысла, в котором, кто бы ни был фактическим автором писем, читатель предстает как образ, а диалог с ним — как прием.

Сводя вероятное многообразие реальных адресантов к единству условной неопределенности, поэтика журналов проводит между письмами другие различия — в распределении коммуникативных интенций как читателей, так и издателя и определяемых этими интенциями ролей в диалоге. Эти факторы формируют ряд моделей диалога, соотношение которых становится одним из важнейших признаков, определяющих эстетическую индивидуальность журнала. Основные коммуникативные интенции в читательских письмах — это, во-первых, вопрос либо просьба и, во-вторых, сообщение.

Просьбу содержит уже первое из писем, помещенных в первом из русских сатирических журналов — во «Всякой всячине» [Всякая всячина 1769: 14–15]. Оно опубликовано за подписью *Агафья Хрипухина* (по мнению В. П. Семенникова, в действительности его автор — А. В. Храповицкий [Семенников 1914: 15]). Читательница просит «Всякую всячину» прописать ей лекарство от бессонницы и получает в ответ следующую рекомендацию: прочитать перед сном шесть страниц «Всякой всячины» и шесть

страниц из «Гилемахиды» — героической поэмы В. К. Тредиаковского [Всякая всячина 1769: 15–16]. Творчество Тредиаковского при дворе Екатерины II дискредитировалось, и «Гилемахида» подвергалась осмеянию. Ответ на это письмо открывает длинный ряд нападок на Тредиаковского во «Всякой всячине».

Читатели обращаются с просьбами о совете, как следует вести себя в разных обстоятельствах. Например, один читатель, подписавшийся *Фадей Гуляков*, спрашивает «Всякую всячину», стоит ли ему добиваться внимания возлюбленной — замужней дамы, у которой есть и другие поклонники, возможно, более удачливые; следует иронический ответ, указывающий на безнравственность его поведения [Всякая всячина 1769: 25–28]. В другом письме, снова от лица Агафьи Хрипухиной, задан вопрос, правильно ли поступают те, кто обещает прийти в гости и не приходит; издатель, конечно, осуждает такое поведение [Всякая всячина 1769: 46–47].

Иногда читатель просит о помощи. Так, во «Всякой всячине» помещено письмо за подписью *Акулины Трещоткиной*, которая рассказывает о себе (из рассказа следует, что она убеждена в собственной исключительности, но при этом лишена каких бы то ни было достоинств, глупа, необразованна и болтлива) и просит «Всякую всячину» найти ей мужа; письмо остается без ответа [Всякая всячина 1769: 311–312]. А в «Трутне» помещено письмо читателя за подписью *Влюблен*; он просит издателя передать девушке, в которую влюбился с первого взгляда, предложение руки и сердца. Издатель заверяет девушку в серьезности его намерений, но самого читателя предостерегает от поспешности в столь важном вопросе [Труть 1770-2: 11–16].

Иногда просьбы читателей обращены и к остросоциальным темам. Например, во «Всякой всячине» напечатано письмо за подписью *Занепрасно ободранный*, автор которого (П. Н. Берков полагает, что это может быть

А. П. Сумароков [Берков 1952: 210, 228]) просит у издателя средства, которым можно было бы «перевести подъячих». Издатель, впрочем, берет подъячих под свою защиту [Всякая всячина 1769: 159–160].

Немало и таких писем, в которых читатель ни о чем не просит и не спрашивает, а сообщает сведения, которые, по его мнению, могут представлять интерес для издателя и аудитории. Здесь читатель выступает в роли единомышленника издателя — сатирика и моралиста. В отличие от «Всякой всячины», в журнале «Смесь» подобные письма составляют большинство. Например, в одном из них, за подписью *Излет*, дается портрет ростовщика, скупца и ханжи; основную часть письма составляет рассказ о его распорядке дня [Смесь 1769-18: 139–141].

Письма подобного типа представлены и в журналах Новикова. Например, в «Трутне» есть два письма, подписанных литерами *П. С.* В первом из них описывается новый (по словам корреспондента) способ брать взятки: проситель бился об заклад с судьей, который рассматривал его дело, что оно не будет решено к сроку, и, разумеется, проигрывал этот спор [Трутень 1769-21: 168]. В другом письме рассказывается о способе мошенничества при рекрутском наборе, позволяющем обойти запрет на продажу крестьян в рекруты. Способ заключался в том, что помещик, который хотел купить крестьянина, подавал фиктивный иск против того, кто продавал, а затем уступал крестьянина покупателю якобы в качестве возмещения [Трутень 1769-25: 199–200]. В «Живописце», например, помещено письмо без подписи, в котором рассказывается о вредном обычае обращаться к гадательницам по кофе [Живописец 1772-19: 145–152]. Просветительское осуждение суеверий соединяется в этом письме с обличением безнравственности дворян, которые без вины наказывают крепостных. Композиционный центр текста образует сценка: у барыни украли серебряную ложку, она зовет кофегадательницу, и та говорит, «например: вор, похи-

тивший ложку, имеет черные волосы». Подозрение падает на ни в чем не повинного слугу, которого барыня по предубеждению подозревает и без всякого гадания. Чтобы добиться признания, его секут до тех пор, пока он не оговаривает себя. В наказание его лишают жалованья; в отчаянии он действительно совершает кражу и проматывает украденное; его ловят и отправляют на каторгу. Так честный человек не по своей вине превращается в преступника.

Иногда читателю отводится еще более важная роль: в письме формулируются принципы нравственности и поведения в обществе. Например, в одном из писем, помещенных в журнале «Смесь», формулируется следующий принцип: «Весьма приятно делать добро, и никакое веселие с сею приятностию не может сравняться» [Смесь 1769-28: 220].

Тематика писем-«сообщений» не сводится к сатире. Некоторые из них играют роль эстетических манифестов. Например, во «Всякой всячине» помещено письмо за подписью камчадала *Аришлая Шуши* [Всякая всячина 1769: 37–38] (по предположению В.П. Семенникова, под этим псевдонимом скрывается А.П. Шувалов [Семенников 1914: 15]). Корреспондент пишет, что заказал для листов «Всякой всячины» два ящика: в одном он собирается хранить листы «с остротою», а в другом — «без остроты»; он надеется, что тех и других будет поровну [Всякая всячина 1769: 37–38]. Слово *острота* в русском языке XVIII в. обладает широким семантическим спектром, обозначая, в частности, ‘ум’ и ‘остроумие’ (см. [Словарь 1793: 658; Словарь 2007: 171–172]). Смысл антитезы двух типов статей в контексте «Всякой всячины» проясняет другая статья — эссе, переведенное из журнала «Зритель» Дж. Аддисона и Р. Стиля [Всякая всячина 1769: 327–328] (источник установлен: [Солнцев 1892: 139]). В нем противопоставлены «веселые» читатели, которые «требуют испытаний острых и смешных», и серьезные, которые отвергают юмор. Та-

ким образом, в данном случае *острота* — это смех и сатира; то, что ей противостоит — это, видимо, серьезность прямолинейной дидактики. Эти два начала журнал должен соединять, сохраняя эстетическое равновесие. Письмо Аришлая Шуши, таким образом, наравне с эссе от лица издателя выражает авторскую позицию. Значение этого письма подчеркивает предваряющее его комплиментарное предисловие издателя, а также отсылки к нему в напечатанных позднее статьях [Всякая всячина 1769: 75, 130–131]; оно играет роль своеобразного эталона, с которым сопоставляются другие тексты.

Нередко читательские письма посвящены литературной полемике. В спорах, которые ведут между собой сатирические журналы, форме письма отводится важная роль, и суждения, высказанные в письмах читателей, нередко острее, нежели те, которые сформулированы от лица издателя. Например, в журнале «Трутень» полемические выпады в сторону «Всякой всячины» делаются в письмах от лица *Правдулюбова* [Трутень 1769-5: 33–36; 1769-8: 57–59]. «Всякая всячина» публикует письма за подписями *Ибрагима Курмамета* и *Фалалея*, направленные против журнала «Ни то ни сё» [Всякая всячина 1769: 75–79], который, в свою очередь, отвечает на эти нападки также в форме письма за подписью *Неспускалова* [Ни то ни сё 1769-5: 33–36]; письмо снабжено постскриптомом, где помещена продолжающая полемику эпиграмма «К Курмамету» от лица неназванного приятеля корреспондента [Ни то ни сё 1769-5: 37]. Использование этой формы позволяет издателю снять с себя ответственность за высказанные в письмах суждения. Издатель «Трутня» отказывается принимать на свой счет суждения «Всякой всячины», высказанные в ответ на письмо Правдулюбова [Трутень 1769-7: 56] (и уже в следующем номере помещает еще одно письмо от его имени, где он оправдывается сам, нанося «Всякой всячине» еще один удар [Трутень 1769-8: 57–59]). Помещая письма с критикой журнала «Ни то ни

сё), «Всякая всячина» снабжает их предисловием и послесловием, в которых, хотя и в юмористическом тоне, встанет на его защиту [Всякая всячина 1769: 73–75, 79].

В письмах содержатся суждения не только о журналах, но и о других произведениях литературы, театральных постановках и картинах. Например, во «Всякой всячине» несколько писем, в которых высказываются разные мнения о творчестве В.К. Третьяковского, в основном критические [Всякая всячина 1769: 31, 43, 104], но также и сочувственные [Всякая всячина 1769: 110]. В том же журнале помещено письмо с критическим разбором комедии В.И. Лукина «Тесть и зять», подписанное *любительницей вашей Всякия всячины* [Всякая всячина 1769: 43–45] (еще Н.Н. Булич атрибутирует эту статью. А.В. Храповицкому [Булич 1854: 255]). В «Смеси» форму писем принимают рецензии на постановки комедии Мольера «Мизантроп» с участием И.А. Дмитриевского [Смесь 1769-7: 55–56], комедий В.И. Лукина «Тесть и зять» и «Разумный вертопрах» [Смесь 1769-9: 69–71], а также на три картины А.П. Лосенко [Смесь 1769-28: 221–223].

В читательских письмах затрагиваются даже вопросы внешней политики. Так, в начале февраля 1769 г., через несколько месяцев после того, как Турция объявила войну России, во «Всякой всячине» было помещено письмо за подписью немца *Адама Адамова сына Варгейта* (Wahrheit — ‘правда’) [Всякая всячина 1769: 38–40]. В нем описана вымышленная медаль, которую он якобы получил от своего знакомого — француза. На ней изображен французский король, который склоняется перед турецким султаном и подносит ему мешки с деньгами. Это намек на роль Франции в войне. А в номере «Трутня» от 15 сентября напечатано письмо, в котором пересказывается якобы услышанный корреспондентом разговор о войне с Турцией: один участник беседы, «трусливый старичок», боится турок, а собеседник (брат предполагаемого автора письма) с ним спорит, доказывая ему силу русской

армии и ее несомненное превосходство над неприятелем [Трутень 1769-21: 161–165].

Характеристики читателей — фиктивных авторов писем могут быть разными: положительными, отрицательными или амбивалентными.

Характеристика отрицательная возможна и в письмах-«вопросах», и в письмах-«сообщениях». Фиктивный автор письма оказывается объектом сатиры: он выдает свои недостатки, как будто не осознавая этого. Таково, например, уже упоминавшееся письмо *Акилины Трещоткиной*: она рассказывает о себе, будучи уверена в своих достоинствах, однако читающий письмо понимает, что в действительности никаких достоинств у нее нет. В «Трутне» помещено письмо без подписи от лица читательницы — щеголихи [Трутень 1770-6: 41–46]. Она рассказывает о том, что, пока был жив ее отец, она жила в деревне, и ей приходилось заниматься хозяйством, но после его смерти она переехала в Москву, стала одеваться по моде и флиртовать с поклонниками. Вопрос, с которым она обращается к издателю, дополняет общее впечатление: после того как многие мужчины добивались ее внимания, а один из них даже «влюбился до безумия», но она их всех отвергла, и потому спрашивает, следует ли ей продолжать поступать так же или стоит действительно в кого-нибудь влюбиться. Ответ издателя изложен в комплиментарном тоне, но недостатки читательницы в нем названы и подвергнуты критике [Трутень 1770-6: 46–48]. Письма такого рода реализуют ироническую установку: возникает дистанция между точкой зрения фиктивного субъекта речи и авторской позицией.

Реже встречается ситуация, когда читатель осознает свои недостатки и сам себя осуждает. Примером может служить упомянутое выше письмо *В. Развратова* в журнале «Полезное с приятным», а также «Письмо от странствующего молодца» в журнале «И то и сё» [И то и сё 1769-4: 3–8]. Его фиктивный автор рассказывает о своей печаль-

ной судьбе: он хотел учиться, но скупой отец не давал ему денег, и тогда он украл деньги; он встретил обманщиков, которые его обокрали, остался ни с чем, теперь бедствует и сожалеет о том, что поступал недолжным образом.

Отрицательная характеристика читателя может выражаться в данной им отрицательной оценке журнала. Писем с оценочными суждениями о самих журналах, в которых они помещены, немало, особенно во «Всякой всячине» (см., например: [Всякая всячина 1769: 14, 25, 63–64, 85–86, 121, 129, 217, 227, 380; Ни то ни сё 1769-10: 73–74, 77–78; Трутень 1769-8: 60–64; 1769-26: 202–203; 1769-31: 248; Живописец 1772-7: 55–56; 1773-10: 285]). В основном читатели, конечно, хвалят журналы. Количество хвалебных писем в журнале «Всякая всячина» Екатерины II таково, что этот факт отмечает конкурирующий журнал — «Трутень» [Трутень 1769-8: 58]. Но встречается и письмо критического содержания, разумеется фиктивное, где читатель, критикуя журнал, тем самым демонстрирует, что его не понимает. Такое письмо есть во «Всякой всячине». Оно подписано *Василисса Топтоногова* [Всякая всячина 1769: 131–133]. Судя по речевой характеристике, читательница — модница, щеголиха. Это распространенный в XVIII в. сатирический типаж, который, как правило, трактуется комически (речевая характеристика — один из основных его признаков). Она пишет о том, что сатира «Всякой всячины», во-первых, оскорбительна, а во-вторых, бесполезна. Вслед за письмом в журнале помещен ответ, в котором эти суждения опровергаются [Всякая всячина 1769: 133–136]. В нем говорится, что, во-первых, сатира не оскорбительна, так как направлена против пороков, а не против отдельных лиц (сатира, задевающая лица, в XVIII в. также существует, но «Всякая всячина» считает ее недопустимой); во-вторых, сатира действительна, поскольку даже если она не исправит порочных людей, то во всяком случае послужит предостережением тем, в чьей душе пороки еще не укрепились. Неправильная, с

точки зрения издателя, оценка журнала характеризует не сам журнал, а того читателя, который такую оценку дает. В «Живописце» критические суждения о журнале высказаны от лица корреспондентки, подписавшейся *Доброхотное сердечко* [Живописец 1773-10: 281–283]; ее образ — это также вариант типажа щеголихи. Помимо письма, подобный способ характеристики может быть представлен и в иной форме: суждения читателей о журнале пересказывает издатель. Такой прием реализован в статье «Каковы мои читатели», помещенной в «Трутне» [Трутень 1769-35: 273–280; 1769-36: 281–284]. Степень понимания журнала оказывается критерием оценки самих читателей — конечно, фиктивных.

Однако читатель может выступать не только как объект сатирического обличения, но и как его субъект. В письмах-«сообщениях» читатель нередко выступает как единомышленник издателя, сообщая ему достойные внимания факты. Таковы, например, названные ранее письма *П. С.* с сообщениями о поступках, которые заслуживают осуждения. В целом этот тип характерен для «Трутни», а также для «Смеси»; во «Всякой всячине» подобных писем меньше.

Встречается, наконец, и амбивалентная характеристика, когда позиция читателя хотя бы отчасти совпадает с авторской, но в то же время читатель осуждается. Например, во «Всякой всячине» помещено письмо за подписью *Игнатий Зубоскал* [Всякая всячина 1769: 225–226]. Эта «говорящая» фамилия, конечно, заставляет думать, что от такого корреспондента не стоит ждать верных суждений. В письме действительно есть неоправданно резкие насмешки, но в целом впечатление оказывается обманчивым: с основной идеей письма трудно не согласиться. В нем осуждается обычай держать шутов, действительно сохранившийся еще в екатерининскую эпоху, причем осуждается из соображений гуманности — из уважения к человеческому достоинству людей, оказавшихся в этой роли.

Другой отчасти сходный пример — письмо *Антониды Вершкисхватовой* в той же «Всякой всячине» [Всякая всячина 1769: 385–389]. Содержание письма составляет сценка, участницей которой становится корреспондентка журнала: она приходит в дом своих знакомых, видит, что они живут неопрятно, одеваются не по моде, неправильно говорят, и все это ее возмущает. Помимо значимой фамилии, оценка ее суждения дается в сопровождающем письме комментарии издателя [Всякая всячина 1769: 390]. Из него становится ясным, что хотя неопрятность и плоха, но высокомерие самой читательницы заслуживает критики, может быть, даже в большей мере, нежели образ жизни ее родственников.

Из сказанного видно, что диалог между читателем и издателем в сатирических журналах можно назвать диалогом лишь условно. В нем, как правило, нет того равноправия участников, которое ассоциируется с этим понятием со времен М. М. Бахтина. За внешней независимостью читателя от издателя часто скрывается внутренняя подчиненность.

Модели отношений читателя и издателя различны и по журналам распределены неравномерно; преобладание той или иной модели — один из признаков, определяющих специфику журнала. Во «Всякой всячине» читателю отведена прежде всего роль просителя. Он признает авторитет издателя и сознает свою неспособность разрешить те вопросы, с которыми он обращается в журнал. В «Смеси» и «Трутне» читатель более активен, он чаще становится единомышленником издателя, но все это возможно лишь постольку, поскольку позиции читателя и издателя совпадают. Дидактическая литература XVIII века не предполагает концепции нескольких правд; правильный, рациональный взгляд на мир — один, прочее — заблуждение.

Зачем же тогда вводится самостоятельный образ читателя, если его самостоятельность оказывается мнимой?

Представляется, что это позволяет усилить дидактическое воздействие, причем с помощью нескольких различных механизмов.

В том случае, если позиции издателя и читателя совпадают, возникает эффект коллективного авторитета: на стороне истины не один голос, а несколько. Создается впечатление широкой солидарности, общественной поддержки издателя.

Если же эти позиции не совпадают, аргументация издателя в споре с читателем, противником заведомо слабым, приобретает дополнительную риторическую убедительность. Иногда решающим аргументом оказывается ирония. Это хорошо видно на примере тех писем, где читатель, не осознавая своих заблуждений, сам разоблачает себя. В таком случае издателю даже не обязательно выставлять контраргументы, и некоторые из таких писем действительно остаются без ответа. Вызванного такой формой чувства превосходства реального читателя, к которому обращен журнал, над читателем фиктивным, не сознающим своей неправоты, достаточно, чтобы произвести мощный дидактический эффект.

Наконец, и в том, и в другом случае читатель условный замещает в художественном пространстве журнала читателя реального, и, определяя отношение издателя к нему, автор предлагает аудитории модель собственных взаимоотношений с ней. Подобно классической ситуации «театра в театре», читатель — корреспондент журнала становится «зрителем на сцене». Утверждая превосходство издателя над ним в условной коммуникативной ситуации, автор журнала тем самым укрепляет свой авторитет в ситуации действительной. Он доказывает свое право обращаться к обществу с нравоучением, стремясь принудить аудиторию это право за ним признать. Документируя с помощью фиктивных писем сферу художественной условности, автор проецирует ее во внелитературный мир, стремясь к тому, чтобы вымысел стал явью.

Литература

- Афанасьев А. Н.* Русские сатирические журналы 1769–1774 годов. Эпизод из истории русской литературы прошлого века. М., 1859.
- Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952.
- Биржакова Е. Э.* Щеголи и щегольской жаргон в русской комедии XVIII века // Язык русских писателей XVIII века / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. Л., 1981.
- Булич Н. Н.* Сумароков и современная ему критика. СПб., 1854.
- Всякая всячина. [СПб., 1769].
- Живописец, еженедельное на 1772 год сочинение. СПб., [1772]. Ч. 1.
- Живописец, еженедельное на 1772 год сочинение. СПб., [1773]. Ч. 2.
- И то и сё. [СПб., 1769].
- Левин Ю. Д.* Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1967.
- Неустроев А. Н.* Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных. СПб., 1874.
- Ни то ни сё в прозе и стихах, ежесубботное издание 1769 года. [СПб., 1769].
- Новиков Н. И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772.
- Пекарский П. П.* Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II. СПб., 1863.
- Полезное с приятным. Полумесячное упражнение на 1769 год. [СПб., 1769].
- Рак В. Д.* Гипотезы об издателе журнала «Смесь» // XVIII век. Сб. 16. Л., 1989.
- Семенников В. П.* Русские сатирические журналы 1769–1774 гг.: Разыскания об издателях их и сотрудниках. СПб., 1914.
- Словарь Академии Российской. [В 6 ч.]. Ч. 4. СПб., 1793.
- Словарь русского языка XVIII века. Вып. 17. СПб., 2007.
- Смесь, новое еженедельное издание. Началось 1769 года, апреля 1 дня. [СПб., 1769].
- Солнцев В. Ф.* «Всякая всячина» и «Спектатор». (К истории русской сатирической журналистики XVIII века) // Журнал министерства народного просвещения. 1892. Ч. 279. № 1.
- Степанов В. П.* Козицкий Григорий Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб., 1999.
- Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе / Собраны и изданы... Н. Новиковым. [В 10 ч.] Изд. 2. М., 1787. Ч. 7, 9.

Трутьень, еженедельное издание, на 1769 год. СПб., [1769].

Трутьень, еженедельное издание, на 1770 год. СПб., [1770].

Шумигорский Е. С. Очерки из русской истории. I. Императрица-публицист. Эпизод из истории литературной деятельности Екатерины II. СПб., 1887.

Эмин Ф. А. Адская почта, или Переписки хромоногого беса с кривым / Подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. Д. Рака. СПб., 2013.